

> МАГИСТРАЛЪ >

НАЦУМЭ СОСЭКИ

Врата

Москва

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44
Н35

夏目 漱石
門

Перевод с японского *Анатолия Рябкина*

Художественное оформление серии
Натальи Портяной

Нацумэ Сосэки.

Н35 Врата / Нацумэ Сосэки ; [перевод с японского
А. Рябкина]. — Москва : Эксмо, 2025. — 256 с.

ISBN 978-5-04-211069-6

Нацумэ Сосэки был одним из самых образованных представителей европеизированной японской интеллигенции начала XX века и вместе с тем — типичным японцем. Эта двойственность позволила ему создать свой неповторимый литературный стиль, до сих пор притягательный для современных читателей.

Рядовой клерк Соскэ и его любящая жена О-Ёнэ живут на окраине Токио. Спокойствие семейной жизни нарушает внезапное обязательство: Соскэ должен оплатить образование своего младшего брата.

Обстоятельства грозят разворошить прошлое и старые семейные тайны — супруги вдруг оказываются на распутье, у «врат».

Нацумэ Сосэки мастерски анализирует кризис личности, человеческие отношения и глубокий внутренний мир героев, размышляет о любви, жертвенности, искуплении и поиске жизни.

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-211069-6

1

Соскэ вынес на галерею дзабутон и некоторое время сидел, скрестив ноги, с наслаждением греясь на солнце, но вскоре отбросил журнал, который держал в руках, и повалился навзничь. Стояли погожие осенние дни, и с обычно тихой улицы доносился веселый перестук гэта прохожих. Соскэ лежал, закинув руки за голову, и смотрел вверх. Бескрайнее прозрачно-синее небо казалось еще огромнее в сравнении с узенькой галереей. Некоторое время Соскэ, щурясь от ослепительных лучей, размышлял о том, что мир становится совершенно другим, когда в долгожданное воскресенье можно вот так лежать, бездумно глядя на небо; но тут ему пришлось повернуться на бок, потому что глазам стало больно, и взгляд его упал на сёдзи, за которыми сидела с шитьем в руках жена.

— Прекрасная погода нынче, — обратился к ней Соскэ.

— Да, — коротко ответила жена. Соскэ ничего больше не сказал, видимо, и ему не очень хотелось разговаривать.

— Сходил бы погулял, — подала голос жена. В ответ Соскэ пробормотал что-то неопределенное.

Через некоторое время жена сквозь сёдзи посмотрела на мужа. Он лежал в какой-то странной позе, подогнув под себя колени и весь сжавшись, словно креветка. Из-за чуть приподнятых локтей выглядывала черная как смоль голова, лица совсем не было видно.

— Смотри не усни там, а то простудишься, — предостерегла жена. К токийской манере речи у нее примешивались еще интонации, свойственные всем современным образованным женщинам.

— Не бойся, не усну, — ответил Соскэ, часто моргая широко открытыми глазами.

Снова наступила тишина. Ее нарушил звон колокольчиков — по улице один за другим пробежали рикши с колясками, затем где-то вдаль прокричал петух. С жадностью впитывая всем телом тепло солнечных лучей, проникавших сквозь новенькую рубашку из простой ткани, Соскэ лишь краем уха воспринимал доносившиеся снаружи звуки, потом, будто вспомнив что-то, окликнул жену:

— О-Ёнэ, как пишется первый иероглиф в слове «недавний»?

Жена не удивилась, не расхохоталась, как это свойственно молодым женщинам, хотя вопрос был забавным, а спокойно ответила:

— По-моему, он пишется так же, как иероглиф «О» в названии провинции Оми.

— А я не знаю, как он пишется в «Оми».

Жена чуть-чуть раздвинула сёдзи и через порог длинной линейкой начертила на полу иероглиф.

— По-моему, так, — сказала она и, не отнимая линейки от пола, залюбовалась чистым, без единого облачка, небом.

— Неужели? — произнес Соскэ совершенно серьезно, без тени улыбки, даже не взглянув на жену, которую меньше всего сейчас интересовало написание этого иероглифа.

— А ведь и в самом деле чудесная погода! — произнесла О-Ёнэ, как бы обращаясь к самой себе. Так и оставив сёдзи приоткрытыми, она снова принялась за шитье. Наконец Соскэ приподнял голову и поглядел на жену.

— Удивительная вещь эти иероглифы!

— Почему удивительная?

— Сама посуди. В любом иероглифе, даже самом простом, можно запутаться, стоит только над ним призадуматься. Недавно, к примеру, я написал иероглифы «сегодня». Написал вроде бы правильно, а когда стал их разглядывать, вдруг показалось совсем не то. Смотрел, смотрел и в конце концов пришел к выводу, что это вообще какие-то другие иероглифы. С тобой не бывало такого?

— Ну что ты!

— Выходит, только у меня так? — Соскэ коснулся рукой головы.

— Что-то неладное с тобой творится!

— Нервы, видимо, расшалились.

— Пожалуй, — сказала О-Ёнэ, взглянув на Соскэ. Наконец он встал, переступил через шкатулку с рукоделием и обрывки ниток, раздвинул фусума столовой, за которой сразу же находилась гостиная. С южной стороны помещалась прихожая, загораживавшая свет, поэтому сёдзи напротив гостиной, которые он открыл, после залитой светом галереи показались Соскэ мрачными и холодными. У самого края галереи, совсем близко от козырька крыши, был обрыв, и отвесная стена не пропускала сюда утреннее солнце. Сплошь поросший травой обрыв у основания не был укреплен даже камнями, и постоянно существовала угроза оползня. Однако, как ни удивительно, здесь ни разу не было обвала, и, видимо, поэтому домовладелец не принимал никаких мер предосторожности. Еще говорили, что прежде здесь была густая бамбуковая роща. Ее расчистили, а корни деревьев не выкорчевали, поэтому почва казалась, сверх ожидания, плотной. Все это Соскэ узнал от словоохотливого старика зеленщика, добрых два десятка лет прожившего в этом квартале. Соскэ высказал предположение, что здесь снова может вырасти роща, раз корни остались, однако старик, словно это было его кровным делом, с горячно-

стью заявил, что после такой расчистки вряд ли что-нибудь вырастет, а вот почва и в самом деле уплотнилась и обвала можно не опасаться.

Осенью обрыв почти не менял красок, если не считать травы, потерявшей свой сочный ярко-зеленый цвет и неряшливо разбросавшей во все стороны полинявшие метелки. И уж конечно, не радовали глаз дикий виноград или мискант. Зато на склоне обрыва стояли два прелестных стройных деревца тропического бамбука, сохранившегося от прежних времен, и несколько таких же деревцев на самом его верху. Их листья приобрели желтоватый оттенок, но озаренные солнцем деревца, казалось, разливали вокруг ласковое осеннее тепло. В это время года дни становятся короче, и Соскэ, возвращаясь со службы после четырех, редко мог вот так любоваться обрывом. Он вышел во двор и, когда мыл руки в небольшом искусственном водоеме, невзначай глянул вверх и только тут вспомнил о бамбуке. Верхушки деревьев были сплошь покрыты лежавшими в несколько слоев мелкими листьями и напоминали коротко остриженную, с торчащими волосами голову. Напоенные осенним солнцем, словно захмелевшие, листья застыли в неподвижности, глядя вниз.

Соскэ вернулся в гостиную и сел за стол. Гостинной, собственно, она называлась только потому, что здесь принимали гостей, это был скорее кабинет, а еще точнее — семейная комната с нишей на

северной стороне. В нише, как полагалось, висела картина, перед которой поставили убогую цветочную вазу бордового цвета. Над раздвижными перегородками, разделявшими комнаты, блестели два латунных крюка, лишь напоминая о традиционной картине в раме. Стоял еще здесь застекленный книжный шкаф. Но ни примечательных книг, ни красивых безделушек на его полках не было.

Соскэ выдвинул ящик стола, инкрустированный серебром, порылся, ничего не нашел и с шумом его задвинул. Затем снял с тушечницы крышку и принялся за письмо. Написал, вложил в конверт, подумал с минуту и обратился к жене:

— Послушай, какой номер дома у Саэки?

— По-моему, двадцать пять, — ответила О-Ёнэ и добавила, когда Соскэ дописывал адрес: — Что пользы от письма? Надо пойти и обстоятельно поговорить.

— Будет польза или не будет, это мы увидим. А послать надо. Не выйдет — пойду поговорю.

Жена ничего не ответила, тогда он, уже более настойчиво, проговорил:

— Ты слышала, что я сказал? По-моему, это самое лучшее.

Жена спорить не стала, вероятно, не решилась, и Соскэ с письмом направился из гостиной к выходу. Заслышав его шаги, О-Ёнэ вышла в прихожую.

— Прогуляюсь немного, — сказал Соскэ.

— Что же, приятной тебе прогулки, — улыбнулась О-Ёнэ. Спустя минут тридцать задребезжала с трудом отодвигаемая входная дверь. О-Ёнэ подумала было, что это вернулся Соскэ, оставила шитье и вышла ему навстречу. Но оказалось что пришел Короку, младший брат Соскэ, в форменной студенческой фуражке и длинной, чуть не до пят, накидке из черного сукна.

— Ну и жаррища! — сказал Короку, расстегивая накидку.

— Вы тоже хороши, в теплую погоду так одеться!

— Да вот думал, солнце зайдет — станет холодно, — словно бы оправдываясь, сказал Короку, следом за невесткой проходя в столовую.

— Вы, как всегда, деятельны, — заметил он, кивнув на шитье, и уселся перед хибати. Невестка сложила шитье в угол, села напротив Короку и, слегка отодвинув чайник, принялась подбрасывать в хибати уголей.

— Чай пить я не буду, так что не беспокойтесь, — сказал Короку.

— Не хотите? — как-то по-детски спросила О-Ёнэ. — А печенье хотите? — Она засмеялась.

— У вас есть печенье?

— Разумеется, нет, — честно призналась она, но тут же добавила: — Погодите, может быть, найду.

О-Ёнэ встала, отодвинула ведерко для уголей и открыла шкаф.

— Ладно, не надо печенья, — сказал Короку, опасаясь, что на поиски уйдет много времени. — Скажите лучше, куда это брат подался в воскресенье?

— Он скоро придет, — ответила О-Ёнэ, продолжая рыться в шкафу. Но наконец захлопнула дверцы. — Пустое дело. Все съел ваш брат. — С этими словами О-Ёнэ вернулась к хибати.

— Ладно, вечером чем-нибудь накормите.

— Охотно. — О-Ёнэ взглянула на настенные часы. Было около четырех. «Четыре, пять, шесть», — считала О-Ёнэ, но угощение мало интересовало Короку, и он молча смотрел на невестку.

— Брат был у Саэки?

— Еще не был, но обещал пойти. С утра до вечера он на работе. Приходит до того измученный, что даже в баню пойти нет сил. Мне жаль его, я и молчу.

— Я понимаю, как он занят, но это дело не дает мне спокойно учиться.

Говоря, Короку что-то чертил в золе хибати латунными щипцами. Следя за их движением, О-Ёнэ, как бы утешая Короку, сказала:

— По поводу этого дела он как раз только что написал письмо.

— Что же он написал?

— Не знаю, не читала. Но полагаю, что письмо касается именно этого дела. Спросите брата, когда он вернется. Думаю, что я права.

— Пожалуй, правы.

— Я видела, как он писал. А сейчас пошел от-
правлять.

Короку решил не продолжать разговор, кото-
рый невестка затеяла то ли для того, чтобы оправ-
дать мужа, то ли чтобы утешить его, Короку. Он
лишь подумал с досадой, что раз у брата нашлось
время для прогулки, он мог бы не посылать пись-
ма, а сходил бы и поговорил. Короку прошел в го-
стиную, снял с полки европейскую книгу и стал
рассеянно ее листать.

2

Соскэ же, вместо того чтобы вести разговор
лично, предпочел послать письмо. Он зашел в лав-
ку на углу, купил марку, захватил пачку сигарет,
вышел и опустил письмо в почтовый ящик. Ис-
пытывая какую-то неудовлетворенность, Соскэ
стал бесцельно бродить по улицам, зажав в зубах
сигарету и глядя, как, дрожа, растворяется ее дым
в лучах осеннего солнца. Шел он долго, и вдруг его
осенило: «Вот он каков, Токио!» Эту мысль Соскэ
воспринял как воскресный дар и решил вернуться
домой поспать. Он каждый день дышал воздухом
Токио, каждый день ездил трамваем на службу
и со службы, но, постоянно угнетенный и физиче-
ски и морально недостатком времени, не замечал
видневшихся из окна вагона оживленных улиц,

даже то, что на одной из них он живет, проходило мимо его сознания. Нельзя сказать, чтобы Соскэ очень страдал от такой своей занятости, лишь по воскресным дням, на досуге, приходила в голову мысль о суете и бесцельности собственной жизни. Грустно было думать о том, что, живя в Токио, он, в сущности, этого Токио не видел и не знает.

В такие моменты Соскэ вскакивал и спешил уйти из дому. Порой у него появлялось желание развлечься, тем более когда в кармане оказывалось немного денег, но желание это не было настолько сильным, чтобы толкнуть его на какое-нибудь безрассудство, и так и оставалось неосуществленным. К тому же кошелек с весьма скромным содержанием наилучшее средство против легкомысленных поступков, и Соскэ и ему подобные предпочитали, сунув руки в карманы, лениво брести домой, нежели утруждать свой мозг всякими нелепыми фантазиями и пустыми планами. Посещение торговых рядов или просто прогулка помогали развеять скуку до следующего воскресенья.

Вот и нынче Соскэ сел в трамвай без какой-либо определенной цели. К его удовольствию, несмотря на воскресенье и погожий день, пассажиров оказалось меньше, чем обычно, и вид у них был спокойный и умиротворенный. Соскэ невольно вспомнил, как по утрам в одно и то же время он едет в сторону Маруноути в страшной

давке, когда люди стараются оттеснить друг друга, только бы занять место. Ничего нет прозаичнее этого переполненного людьми трамвая. Никаких человеческих чувств ни разу не возникло у Соскэ к случайным попутчикам, ехал ли он стоя, держась за поручень, или сидел на мягком бархатном сиденье. И он считал это вполне естественным. Он безучастно созерцал всех, кто сидел или стоял, напротив или рядом, словно это были не люди, а механизмы.

Но сейчас он смотрел на мир совершенно другими глазами. Он видел старушку напротив, которая что-то говорила на ухо внучке лет восьми, и молодую женщину, с виду жену торговца, с умилением глядевшую на них, слышал, как женщина спросила, сколько девочке лет и как ее зовут...

Во всю длину вагона прямо над головой висели объявления в рамке. Соскэ словно впервые их заметил, а одно даже прочел. Это оказался рекламный листок фирмы по перевозке домашних вещей. Фирма предлагала свои услуги при переезде с квартиры на квартиру. На следующем объявлении были расположены в ряд три строки: «Всем, кто умело ведет хозяйство», «Всем, кто печется о гигиене», «Всем, кто хочет избежать пожара», а под ними шла реклама газовых плит и рисунок, изображающий газовую плиту в действии. Затем белыми иероглифами на красном фоне было написано: «Кинофильм “Вечные снега” по мотивам